

В верхней части летописца* читаем:
«Книжица сия Устюжского уезду.
В нижнем конце из приходу Симеона
Столпника священноиерея Стефана
сына ево Василия Стефановича
1677-1678г.г. упоминается
Стенка Андреев Гремячих,
который служил при церкви дьячком.
Из книги «Бысть на Устюзе».
Издательство Вологда, 1993 г.

Сквозь вывихнутое время...

Рассказ

«На Руси не так много Великих: Новгород, Ростов да Устюг», - аккуратно на листке сероватой бумаги вывел монах и задумался, покусывая белое гусиное перо. Зело складно получилось. Кратко, красиво и объемно. Правда, есть еще Великие Луки, но куда их ткнуть? Все созвучие испортят. Нет, пусть останется так.

Задул лучину, прилеж, не раздеваясь, на обитый «морозной жестью» и застеленный овчиной сундук. Томила душу мысль о скоротечности жизни. Горькое на Руси не переводится: войны, наводнения, пожары, мор... Неупиваема чаша человеческих страданий. Разве что вспыхнет яркой радостной свечкой воспоминание о детстве, о мамкиных теплых руках, об отце, приехавшем с ярмарки, обвешанном бубликами и угощающим орешками «ералаш»... Вспыхнет да и погаснет во мраке.

Иль улыбнется яблочной долькой зореньки с краю хмурого неба ненаглядный образ любимой. Да надолго ли: то рекрутчина на всю жизнь, то родители отдадут другому... «Все проходит рано, поздно или рано». Зарубцуются и эта. Но есть и еще кое-что, от чего сердцу любо. Вон они - бегут наперегонки жнивьем, смеются, несут родителям хлеб-бушка да кваску. Повиснут на шее, ластаня, шепотом тайны свои на ухо рассказывают, щебечут птенчиками, из распахнутых глазенок пасхальное небушко на мир божий доверчиво и радостно смотрит. И высветится осенний день, и не так страшна узкая длинная полоска несжатой ржи. Но многим и это не дано.

Темно в келье, не пропускает свет натянутый на оконце закопченный бычий пузырь. Также темно будет потомкам и наша жизнь.

Надо дописать начатое. Хотел встать, но словно колом ударили под лопатку. Кровавые круги замелькали в темноте. Заходится сердце и словно шепчется с кем-то в темноте: «Жить? Не жить?».

Повернулся на правый бок и поблазил: оскаленные лошадиные морды с горящими гривами, охваченные пламенем; рвущиеся цепями пристегнутые к сенным возам собаки - и гул пожара, и крики о помощи.

А вот и он: держась за мамину юбку, бежит по сенной площади. А кругом огонь, и от архиерейских построек выбрасывает ветром горящие бревна и доски, и они, шипя, падают в воду Сухоны,

На самой площади горят воза сена, и горящие, искрящиеся ключья его зловеще проносятся мимо. Трудно дышать от дымного, горячего воздуха. Слышал от взрослых про геенну огненную. Это она и есть, а они - грешники, и их поджарят.

Держась за подол, он все пытался понять, чем же согрешили

они с мамкой. А она тащила его, и от нее приторно и страшно пахло жженым.

Взбежали по лестнице Никольской церкви. Мать усадила его на верхнюю ступеньку, сняла свою местами прогоревшую шаль и укутала, как маленького, прямо поверх кафтанчика: «Жди тут, Ванюшка, я вернусь. Все будет хорошо, только жди».

Она зачем-то брякнула большим металлическим кольцом на церковной высокой двери. Сунула в ручку что-то прохладное и перекрестила, а затем, пятась по ступенькам, страшно, прерывисто рыдая и хватаясь за живот, словно от боли, вдруг поскользнулась и скатилась в багровое пекло, бушующее на Набережной.

Брякнула кованая дверь. Высокий монах в клобуке со словами «Ах ты, господи!» забрал мальчишку в охапку, занес в церковь. Это было 14 сентября 1699 года.

С тех пор Ваня числился «детенышем». Так звали всех детей-сирот и подкидышей, которых прибрали обитатели.

От пожара не уцелела и Никольская церковь. Сначала загорели сенники и дровяники. Монахи пытались потушить, но тщетно. Тогда они вытащили из церкви иконы, церковную утварь и побежали на Красную гору, встречь несущему горячий воздух ветру.

Ванюшкин спаситель, обгоревший при тушении дровяников, упал еще на Успенской. Он задыхался и, передав ребенка небольшой ларец, крикнул: «Беги по Архангельской. Не отставай, беги! А зовут меня Стенькой... Поставь свечку и помни, Христа ради... Беги!».

Ванька, засунув за пазуху ларец, побежал, и обильные слезы его были вовсе не о мамке и добром монахе. Ему было горько и обидно оттого, что в постоялом дворе, где они ночевали, осталась и, конечно, сгорела его новая однорядка из трипа (шерстяного бархата), украшенная рядами игрушечных вышитых топориков, с медными застежками. Это было первое, самое настоящее горе.

О том, что никогда не увидит мамку и монаха, Ваня просто не знал. Лишь через несколько лет тетка Матрена узнает его по образку Николая Чудотворца, который впинула мать в детскую ручонку в страшный день пожара, и все расскажет. Ваня не заплачет. Он считал себя взрослым и стыдился слез.

Шли годы. Он стал служить в Михайло-Архангельском монастыре, научился грамоте и как-то случайно нажал на тайную кнопку в виде нарисованной на днище ромашки. Шкатулка открылась и пожелтевшие от времени листки выпали на пол. На самом белом из них значилось: «Стенки Андреева Гремячих дьячка приходу Симона Столпника летописец».

Ваня читал летописец и видел

сквозь века. Когда же все было прочитано, показалось ему вдруг, что Николай Чудотворец с маминой иконки проговорил: «Пиши». О чем писать, Ваня давно уже знал.

... Темно и грустно в келье. Белеют лишь листы и перо на старом, по топорному сработанном столе.

Зовут.

«Успеюли?!» - подумал монах. И вдруг заплакал. Он пытался душить в себе рвущиеся рыдания, но не было сил противиться целую жизнь копившимся слезам.

Пожаром 14 сентября 1699 года, когда в Устюге сгорело 7 церквей и 692 дома, заканчивается деревянный семнадцатый век, прозванный «вывихнутым временем».

Сколько веков прошло, но одно неизменно - человеческие чувства. А потому, чтобы найти общее между прошлым и настоящим, между жительницей Африки и Крайнего Севера, нам вовсе не обязательно ссылаться на Солнце и другие планеты Вселенной, вполне достаточно коснуться человеческих чувств. Все остальное - лишь смена декораций.

Едва осознав, что родился - тянет малыш пухлые ручонки к маме. «Как тут не плакать? Безобразия, все время были вместе, и вот разлучили, ни за что, ни про что. Неужели надолго?»

Ни дождь, ни сылетка, ни сорокаградусный мороз не держат деревенского мальчишку, и бежит он в свою далекую, не всегда богатую избу, где приветливы даже тараканы, только для того, чтобы несколько часов побыть дома и, излечившись родиной, снова продолжить выбранный путь.

Еще не видя своей деревни, но уже чувствуя ее по каким-то ему одному известным приметам, пожилой человек, придерживая сердце рукой, не может сдержать слез. Что это? Кто возьмется ответить? Но даже звезды, умудренные многовековым опытом, молчат, ибо это одна из самых сокровенных тайн человеческой души. А может быть, звезды правы, и не на все вопросы надо отвечать?

Может быть, важнее сохранить то, что помним и видим, как это делали летописцы, и Ее Величество Жизнь высветится для грядущих поколений не только датами и фактами. Но и нашими переживаниями. Нашими чувствами.

И успокоится сердце старого монаха Иоанна, и шкатулка Стенки Андреева пополнится новыми рукописями.

**Н. АЛЕШИНЦЕВ,
В. - Устюжский район.**

* Летописец (устар.) - то же, что летопись.

В. Устюг. Михайло-Архангельский монастырь. XII век